

ОНИ встретились еще подростками — два друга, два лицеиста, два стихотворца, Александр Пушкин и Антон Дельвиг.

В 1814 году Дельвигу исполнилось шестнадцать лет, а Пушкину — пятнадцать.

«Явились мы рано оба», — говорил Пушкин в стихотворении, обращенном к Дельви-гу. «И шумный встретил нас восторг»...

Пушкин, вспоминая лицейские годы и всю последующую жизнь, называл Дельви-га своим «названным братом».

Но Дельвиг никогда не равнял своего дара с пушкинским. Он считал себя «небольшим певцом». И был счастлив тем, что Пушкин любил слушать его стихи, что судьба дала ему в собеседники необыкновенного чело-века.

Дельвиг был первым, кто понял, что друг его не просто поэт, а поэт великий.

Чувство такта, сознание собственного достоинства и строгая самооценка удиви-тельны в отношениях этих двух мальчиков, которые так рано почувствовали ответ-ственность за каждое свое слово и поступок — и в жиз-ни, и в поэзии.

ДЕЛЬВИГ не был по-хож на Пушкина.

Неповоротливый, медли-тельный, «парнасский лени-вец» не поспевал за своим быстроногим другом.

Он любил чтение и был усердным читателем мудре-ных книг.

В познаниях с Дельвигом мог соперничать только В. К. Кюхельбекер, которого Пуш-кин называл «живым лекси-коном и вдохновенным ком-ментарием».

Но пристрастие Кюхельбе-кера к одам не встречало особенного сочувствия Пуш-кина. В «Евгении Онегине» Пушкин назвал Кюхельбеке-ра «критиком строгим» и вы-вел назидательную формулу его архаических вкусов: «Пи-шите оды, господа...».

Пушкину гораздо больше нравились идиллии и песни Дельвига, его простодушная лирика. Нравились Пушкину и рассуждения Дельвига о поэзии.

Трудно было решить, что он придумал сам, а что по-черпнул из книг. Но как бы там ни было, изречения Дель-вига западали в память и гребо-вали ответной работы мысли.

Однажды Дельвиг сказал Пушкину, что «цель поэзии — поэзия».

Эти слова запомнились Пушкину. И когда в 1825 го-ду В. А. Жуковский спросил его, какова цель «Цыган», Пушкин ответил ему: «Ты спрашиваешь, какова цель у «Цыганов»? вот на! Цель поэзии — поэзия — как говорит Дельвиг»...

Когда Пушкина постиг «судьбины гнев» и он оказал-

ся в Михайловском, к нему приехал Дельвиг. Жизнь и поэзия были неотделимы друг от друга, дружба требовала бескорыстных и самоотвер-женных поступков.

О Дельвиг мой: твой
голос пробудил
Сердечный жар, так
долго усыпленный,
И бодро я судьбу
благословил, —

пишет Пушкин в стихотворе-нии «19 октября».

Рассе, правдо, -1987, 7-10

ЭНКАШАПЕ

Каков был дебют Пушкина?

Казалось бы, мы знаем о нем все и доскональ-но — есть академические издания великого поэта с первыми его стихами, есть книги о нем, есть со-школьной скамьи знакомые «Воспоминания в Царском...» Казалось бы, знаем все-все.

Все ли?

В этом стихотворении, в строфах, посвященных его лицейскому другу, Пушкин вывел классическую формулу поэтической мысли о том, что «цель поэзии — поэзия»: «Служенье муз не терпит суеты».

ПУШКИН и Дельвиг выступили в печати почти од-новременно, в 1814 году.

К этому времени они бы-ли уже достаточно хорошо известны в Лицее, в своем кругу. И в Петербурге, и в Царском Селе и тот и другой легко могли бы найти себе литературных покровителей, которые бы «замолвили сло-вечко» издателю и ввели бы «за ручку» в литературу.

Поиски покровителя — это и есть «суета», которой «не тер-пит» служенье муз.

И друзья нашли другое — самое простое решение.

Редактором журнала «Вест-ник Европы», издававшегося в Москве, был В. В. Измай-лов, автор очень известной в те времена повести «Ростов-ское озеро».

«Дельвиг послал ему свои первые опыты», — рассказыва-ет Пушкин, — они были напе-чатаны без имени его и привлекли внимание одного знатока, который, видя про-изведения нового, неизвест-ного пера, уже носящие на себе печать опыта и зрелос-ти, ломал себе голову, стар-аясь угадать тайну анони-ма».

Торжество, таким образом, оказалось двойным. Во-пер-вых, стихи были напечатаны именно как стихи, заслужи-вающие напечатания, а во-вторых, они сразу же при-влекли внимание «знатока», имя которого также осталось неназванным в заметке Пуш-кина о дебюте Дельвига.

Но был уже новый, еще не-известный поэт и первый еще

неизвестный знаток, задумав-шийся над его стихами.

Это и есть то самое «слу-жение муз», которое не тер-пит суеты.

Время было необыкновен-ное.

В 1814 году окончились на-полеоновские войны, столько лет сотрясавшие Европу.

Стихи Дельвига, напечатан-ные в 1814 году, назывались «На взятие Парижа». Здесь он назвал имя, как бы оклик-нул Державина, которому

...И ДУМ ВЫСОКОЕ СТРЕМЛЕНИЕ

кина появились в двенадца-том и тринадцатом номерах того же издания.

Очень возможно, что тот «знаток», чье внимание при-влекли неподписанные сти-хи, присланные в редакцию «Вестника Европы», о кото-ром пишет Пушкин в своей заметке о Дельвиге, это и есть Измайлов.

Но юные поэты остались верны себе. Стихи Дельвига были опубликованы без под-писи автора.

фа Пушкина, читавшего свои «Воспоминания в Царском Селе» в присутствии Державина. Вот тогда имя Пушки-на прозвучало впервые «в прямой перспективе» грядущей славы.

И «энкашапе» уступил ме-сто Пушкину.

Теперь уже Измайлов по-заботился о том, чтобы но-вые стихи удивительного ли-цейста попали не в чьи-ни-будь, а в его руки. К тому времени он уже был редак-тором журнала «Российский музей». Здесь, в номере чет-вертом, и были напечатаны «Воспоминания в Царском Селе», подписанные полным авторским именем — Алек-сандр Пушкин. Стихи сопро-вождались примечанием ре-дактора: «За доставление се-го подарка благодарим иск-ренно родственников моло-дого поэта, которого талант так много обещает».

Измайлов имел в виду Ва-силия Львовича Пушкина, дядю Александра Сергееви-ча, известного стихотворца и переводчика, который, по-ви-димому, и «доставил» новые стихи в «Российский музе-ум».

Однако Василий Львович тогда еще очень сомневался в даровании своего племянни-ка. «Право, я не знаю, — го-ворил он известному в свое время критику М. Н. Мака-рову, — установится ли он ко-гда...»

Поэтому Макаров впослед-ствии утверждал, что только Измайлов «первый достойно оценил дарование Пушкина».

В дебюте Пушкина была уже та пушкинская волю-ность, которая одушевляла его жизнь и его творчество. Но здесь надо признать так-же, что Измайлов оказался достойным того испытания, которому его, как редактора и издателя, подвергла лите-ратурная судьба, бросив на его стол безымянную руко-пись Пушкина. И такую же безымянную рукопись Дель-вига.

В 1826 году Измайлов, уже как редактор журнала «Ли-тературный музей» (ему суждено было постоянно ме-нять издания), обратился к Пушкину с просьбой о но-вых стихах.

И Пушкин тотчас отклик-нулся сердечным письмом.

«Радуюсь, что могу чем-ни-будь угодить первому почтен-ному покровителю моей му-зы», — пишет Пушкин в пись-ме к Измайлову.

Он назвал Измайлова своим покровителем именно пото-му, что Измайлов никогда не был его «покровителем».

Между ними были прямые отношения, без посредников, какие и должны быть между автором и редактором, издате-лем.

Потому что «цель поэзии — поэзия», а не что-нибудь дру-гое, как говорил Дельвиг.

Эдуард БАБАЕВ.
Рис. Н. РУШЕВОЙ.

А Пушкин придумал для своего дебюта криптограм-му: «Александр Н. К. Ш. П.» — в «обратной перспекти-ве» — Пушкин.

Пушкинский дебют в лите-ратуре был классическим, как все, что задумывал и осуществлял в литературе Пушкин.

Он не торопился «заявить свое имя», не тревожил нико-го из крупных мастеров, не ждал, не требовал, не искал поддержки и одобрения. Ни у кого, кроме своего друга. Действовал на свой страх и риск. И задавал загадки ма-стерам.

ОГЛАСКА произошла в 1815 году, после триум-